

РИЖСКИЕ ХУДОЖНИКИ

ПАМЯТИ С. Н. АНТОНОВА и Ю. Г. РЫКОВСКОГО

Е. Климов

В начальный период независимой Латвии Рига представляла собой осколок старой России. Русский язык понимался всюду, на латвийских кредитных билетах обозначения были на трех языках (латышском, русском и немецком), в Риге было 13 основных русских школ, одна городская русская гимназия (Ломоносовская), одна правительственная, несколько частных женских гимназий, Русские университетские курсы. Среди населения Латвии русских значилось 12 процентов. В Двинском и Режицком уездах жило много крестьян-старообрядцев.

Естественно было иметь в столице Латвии — Риге — и русский театр. Ряд благоприятных обстоятельств, в том числе заступничество первого премьер-министра — Зигфрида Мейеровица — способствовал организации в Риге прекрасного русского театра.

Кто жил, или бывал в Прибалтике, тот вспомнит с радостью Театр русской драмы в Риге, его артистов и чудесные спектакли, которые там ставились под руководством опытных режиссеров и в декорациях художников С. Антонова и Ю. Рыковского.

Но театром далеко не исчерпывалась деятельность этих подлинных служителей искусства. Указать на них — наш долг, чтобы имена их не забылись, а подрастающее поколение знало, что и в наше время были люди, все свои силы отдававшие любимому делу.

Сергей Николаевич Антонов родился в Риге в 1884 году в семье владельца «Коммерческой гостиницы». Семья была большая, все дети были талантливы и в той или другой степени жили интересами искусства. С. Антонов получил среднее и высшее образование в Риге, окончив в 1909 году Риж

ский политехникум по архитектурному факультету. Еще в юношеские годы он занимается живописью у пейзажиста Юлия Клевера, в то время чрезвычайного популярного в Прибалтике, и не только учится, но и помогает Клеверу в исполнении пейзажей.

Молодой С. Антонов не удовлетворяется дипломом Рижского политехникума и едет в Петербург, чтобы поступить в Академию художеств, на архитектурное отделение. В смысле художественной жизни Петербург 1910-х годов был весьма интересен. Выставки, театральные постановки, художественные журналы, концерты, — все это развивало вкус, звало к творчеству. Деятельность художников группы «Мир искусства» была в полном разгаре.

Уже с 1912 года С. Антонов участвует на разных архитектурных конкурсах и часто удостоивается высших наград. Его богатая архитектурная фантазия не удовлетворяется одним проектом — он подает одновременно несколько проектов. В 1916 году был объявлен конкурс на «Памятник павшим воинам». Проект С. Антонова был утвержден государем.

Интерес к древним памятникам русской архитектуры вызывает поездки С. Антонова по старым городам России. В 1914 году он блестяще кончает в мастерской акад. Леонтия Бенца Академию художеств с дипломом архитектора-художника. В годы Первой мировой войны С. Антонов работает в Пскове и Ревеле, и в 1920 году возвращается в Ригу. Тут и начинается его кипучая деятельность в качестве руководителя одной из мастерских архитектурного факультета Латвийского университета, а также как декоратора Театра русской драмы в Риге.

Сейчас трудно себе даже представить, что за время с

1921 года по 1936-ой в театре было поставлено 553 пьесы, большинство из которых — в декорациях С. Антонова.

Всегда радовало его удивительное мастерство во владении рисунком и красками, когда он в театральной мастерской, вооружившись огромной кистью, писал декорации с какими-нибудь сложнейшими подробностями. Как у чародея, оживало все под его уверенной рукой и никогда не бывало в его декорациях каких-либо погрешностей в смысле стиля эпохи, будь то русская или иностранная пьеса.

С. Антонов построил в Риге несколько частных домов и общественных зданий, среди них дом газеты «Сегодня», а после Второй мировой войны огромный «Дом науки» около вокзала и перестроил наново гостиницу «Рига». Хочется отметить небольшую строгую часовню, возведенную С. Антоновым, над могилой убитого архиепископа Иоанна. Тут С. Антонов умело согласовал простые византийские формы часовни с рядом стоящей Покровской церковью византийского стиля.

В университете С. Антонов пользовался уважением и любовью своих учеников. На обращения к нему со стороны студентов вопросы и просьбы он с готовностью откликался и тут же на глазах своих слушателей рисовал на бумаге здания различных эпох со всеми необходимыми деталями. И все это не только в виде чертежа, но в живой перспективе. Такая свобода в обращении с материалом покоряла и показывала руку знающего и опытного мастера. Насколько мне известно, в США работают сейчас архитекторы, знавшие лично С. Антонова и хранящие о нем светлую память.

Во время поездок в Италию, Францию и Бельгию С. Антонов усиленно работал. Работоспособность его была исключительна, в его квартире хранились сотни картин и этюдов. Среди них были виды уголков природы, весенние и зимние пейзажи, виды городов, архитектурные памятники и свободные композиции на архитектурные темы. Но не столько заграничный мир, как свой родной край привлекали С. Антонова и тут его этюды и зарисовки пленяли любовным отношением

архитектор, Антонов всегда тяготел к живописным решениям рисунка... Он умело передавал в своих произведениях стиль памятников и аромат их эпохи».

В настоящее время в Государственном историческом музее в Риге имеется специальный зал, где размещены работы С. Антонова. Такой же постоянный показ работ С. Антонова организован и в Академии художеств в Ленинграде, где он учился.

Все, знавшие лично С. Антонова, вспомнят «дядю Сережу» с благодарностью; он отдавал другим свои обширные знания легко и свободно, никогда не становясь в позу недоступного профессора. Бывало и ему не всегда легко среди шовинистически настроенных коллег по университету, но он преодолевал и это своим шармом и с честью продолжал работать, как подлинный артист-педагог.

**

В ином плане представляется жизнь и работы Юрия Георгиевича **Рыковского**. Родился он в 1894 году и в 1914 году поступил на архитектурный факультет Рижского политехникума, но уже в 1915 году был призван на военную службу, попал в Петербурге в Константиновское артиллерийское училище и по окончании его был назначен на остров Эзель в Балтийском море. Осенью 1917 года остров был занят немцами и весь гарнизон острова оказался в плену.

Только в 1920 году Ю. Рыковский смог вернуться в Ригу, но продолжать образование было трудно и он начал с 1921 года работать в Театре русской драмы, сотрудничая с С. Антоновым в исполнении декораций. Но главным образом он создавал эскизы костюмов, по которым делались для актеров всевозможные одеяния. Такая работа требовала больших знаний, тонкого вкуса и практической изобретательности. Верной помощницей в этом деле была его жена — Н. Н. Рыковская.

Несмотря на скромные возможности русского рижского театра, нужные формы костюмов для артистов всегда были прекрасно найдены. Надо было также обладать большим тактом, чтобы согласовать пожелания артисток и артистов с ассигновками театра на костюмерную мастерскую.

Эскизы костюмов Ю. Рыковского всегда отличались изысканным вкусом и привлекали к себе внимание, как художественные произведения. Недаром Латвийский балет, совершая турне по Скандинавии, заказал Ю. Рыковскому эскизы костюмов для участников выступлений. Известный в США собиратель русских церковных древностей П. Фекула также заказал Ю. Рыковскому эскизы костюмов для певцов и певиц организованного им хора. Сделанные по эскизам Ю. Рыковского костюмы, были отправлены в Америку.

Очень часто эскизы театральных костюмов служили Ю. Рыковскому толчком для дальнейших композиционных работ графического и декоративного характера. Так появилась серия график на тему «Блоха» Е. Замятина и исключительный ряд декоративных композиций на тему «Принцесса Турандот» Гоци.

Но так же, как и С. Антонова, не один театр увлекал Ю. Рыковского. В нем жила трепетная любовь к России, к русской культуре. Помню, как светилось радостью его лицо, когда он попал в русский район Эстонии, как чувствовал он дыхание родной земли, с какой любовью зарисовывал древние

церкви Изборска и Псково-Печерского монастыря.

Тяга к корням русского искусства привела его к изучению иконописи под руководством умелого мастера, иконописца П. М. Сафронова. Летом 1932 года Ю. Рыковский исполнил в сотрудничестве с автором этих строк огромную фреску (14 на 9 метров) в Троицкой церкви в Риге. В этой фреске было изображение Святой Троицы, так наз. «Отечество», в окружении сонма ангелов. Фреска висит над алтарем, являясь примером русской монументальной религиозной живописи. За годы Второй мировой войны храм пришел в запустение, но был в последнее время реставрирован.

Многосторонняя одаренность Ю. Рыковского не замыкалась однако в иконописной работе. Он бывал за границей, работал в Париже в мастерской художника Андре Лота, известного педагога. В Италии Ю. Рыковский пишет этюды, делает зарисовки, чтобы пользуясь ими, резать потом гравюры. Его увлекают и задачи иллюстрации. Возникает серия рисунков к повести Гоголя «Невский проспект». Интерес к этой повести возник у Ю. Рыковского, возможно, в связи с его жизнью в Петрограде в годы Первой мировой войны. Также не случайно, думается мне, обратился Ю. Рыковский к рассказу Анатоля Франса «Жонглер Пресвятой Девы», ибо тема этого рассказа в какой-то степени отвечала помыслам самого Ю. Рыковского, что служить высшему началу можно не только иконописью.

Из серии гравюр к рассказу «Жонглер Пресв. Девы» особенно интересна та, где изображено, как старый седобородый монах ведет жонглера к светлой обители из мрачного и дождливого мира и указывает ему на возможность другой жизни.

На графические работы Ю. Рыковского отозвался в 1939 году в «Последних новостях» Александр Бенуа такими словами:

«Рыковский представляется разносторонним и необычайно одаренным мастером... В ряде графических работ он обнаруживается в качестве совершенно самостоятельного мастера. Исключительным изяществом отличается деревянная гравюра, изображающая внутренность бани, но полные своеобразной прелести и такие листы, как «Укротительница змей» (дама в костюме акробатки возлежит на диване и забавляется с извивающимся вокруг нее удавом) и как гравюра сухой иглой «Летом», в которой, при помощи минимума очертаний и тушевки, создается впечатлительное давящее знойного дня где-то на русской даче...»

По свойству дарования Ю. Рыковский видел в жизни не одну только радость. Некоторые «воображаемые портреты» его работы показывали, как глубоко проникал его взгляд в сущность жизни, как скорбел он о многом, что видел вокруг себя.

Кроме качеств художника-декоратора, графика и иллюстратора Ю. Рыковский был природным педагогом. Не профессиональным преподавателем а учителем-другом, с любовью наблюдавшим за развитием своих друзей-учеников. Меткие указания на промахи и ошибки высказывались им всегда в дружеской форме; успехам же друзей-учеников он всегда искренно радовался. Люди, работающие в искусстве, нуждаются в поддержке и в отклике окружающих.

Но подлинных критиков, могущих помочь человеку стать

на ноги, найти самого себя, бывает очень мало. Подлинный критик-друг забывает о самом себе и о своих вкусах и умеет заметить в другом человеке вложенные в него способности и указать направление дальнейшего развития. Для подобного руководства необходима большая культура, которой в полной мере обладали С. Антонов и Ю. Рыковский.

Развившийся в последние годы самостоятельной Латвии шовинизм задел и деятельность Ю. Рыковского. Директор Латвийской национальной оперы заказал Ю. Рыковскому эскизы декораций к балету «Дон-Кихот». Когда часть эскизов была уже исполнена, вмешалась латышская газета «Яунакас Зиняс» и потребовала у директора оперы передать заказ латышскому художнику, угрожая в противном случае неприятностями. Директору оперы пришлось уступить и хотя прекрасные декорации отдельных действий принадлежали Ю. Рыковскому, его имя нигде в программах упомянуто не было. Любопытно, что заменивший Ю. Рыковского латышский художник был дальтоником. (Дальтонизм — частичная неспособность различать цвета).

Имя Ю. Рыковского также не упоминалось в связи с гастролями Латвийского балета в Скандинавии.

К середине 1930-х годов здоровье Ю. Рыковского заметно ухудшилось. Оно было надорвано еще в германском плену. Стали ясны признаки туберкулеза легких. Поездка на юг не могла уже помочь и с осени 1936 года он перестает работать в театре. Ю. Рыковский скончался в январе 1937 года в Риге в возрасте 42 лет и похоронен на кладбище около храма, в котором имеется его роспись «Троица».

Работы Ю. Рыковского находятся в Латвийском государственном музее и в Збраславском музее русской культуры под Прагой. Сам художник щедро дарил свои вещи артистам театра и друзьям. Много его работ пропало и затерялось во время последней войны.

Мне верится, что придет время, когда картины и эскизы С. Антонова и Ю. Рыковского будут достойно оценены не только на родине, но и за границей.

Е. Климов